

Тополиные листья
(фрагмент)

– Барсуков? – спросил я удивлённо.

Ребята моё удивление, наверное, поняли по-своему и наперебой стали рассказывать:

– Ну да! Женькина глушица – это такое скрытое место, что вот ты, видать, хожалый человек, да и то заблудишься. А как же немцы, которые нашего-то лесу и вовсе не знали? Попробуй, выпутайся отсюда. Женька Барсуков приводил в лес партизанские семьи и прятал. И многих так от расстрела спас... Да у нас все фошнянские знают...

О Женьке Барсукове из села Фошня слышал и я. Мне о нём недавно рассказал Костик.

...Женька Барсуков... Маленький сельский романтик и фантазёр. География была его самым любимым предметом. Любил он читать о далёких морях и жарких странах, где знойное солнце и вечнозелёные леса.

Женька мечтал стать взаправдашним путешественником. А пока только в мыслях ходил в опасные экспедиции, часто попадал в беду, но всегда побеждал и, конечно же, выручал своих товарищей. Может быть, эту любовь к странствиям он перенял от своих старших братьев Дмитрия и Александра? Ведь они были настоящими моряками? А может быть, мечтал о дальних странах потому, что сам-то, кроме своего села, нигде ещё не был?

Не успел он закончить только семь классов, как началась война. А через три месяца враг уже топтал его землю, где он с ребятами купался в прозрачной Березне, ходил за грибами, играл в Буденного и Чапаева.

В марте сорок второго фашисты нагрянули в Фошню. Выгнали из домов всех мужчин и подростков, построили на колхозном дворе и расстреляли. А затем сожгли село. Женька в это время был с другими мальчишками в лесу. Вернувшись оттуда, он похоронил своих односельчан и по-мужски понял, как должен поступать дальше.

Летом, когда враги на летели на партизанский край и не было спасения ни старому, ни малому, Женька прятал людей в глушице, недалеко от родного посёлка Барсуки.

Однажды он не спал двое суток подряд. Обессиленный, упал на опушку леса и тут же заснул. Враги схватили его сонного. Женька хорошо понимал, что хотят от него фашисты, и притворился немым. Они сняли с Женьки одежду и до крови исполосовали его тело плётками, но он молчал. Тогда измученного и окровавленного повели в село. Горячая липкая кровь текла по босым ногам и орошало траву. Женька знал, что это его последний путь, но понимал и то, что если будет молчать, то люди, которые в лесу, останутся живы, поэтому продолжал притворяться немым. И только когда фашисты стали волочить его по доскам, утыканным гвоздями, он не выдержал и закричал: «Мама!».

Это было его последним словом...

– Дядь, а дядь, вы чего молчите?

Я очнулся.

– Из лесу, говорю, вывести? – спросил старший.

– Мне бы в Фошню, – попросил я.

– Идемте, мы тропку покажем, а то снова заблудитесь.

Мальчишки вывели меня на узенькую тропинку, и мы простились. Вскоре лес кончился. Передо мной открылось широкое поле, меня обдало теплом цветущей ржи. Она уже колосилась и чуть колыхалась при слабом ветерке.

На широкой меже, по которой шёл я, росли цветы: ромашки, колокольчики, лесная гвоздика. Не красного и не розового, а какого-то особого цвета, гвоздика тянулась вдоль тропки неровной цепочкой, словно кто-то идущий растерял по пути драгоценные камешки.

А может быть, это Женькина кровь взошла цветами?

В сельской школе детей не было. Только несколько девочек что-то делали на пришкольном участке. Их звонкие голоса доносились в раскрытые окна небольшого здания. На стене в коридоре висел большой портрет. Широко открытые, добрые глаза смотрели прямо и немного удивленно. Так обычно глядят школьники, которым только что показали или рассказали что-то удивительно интересное. Это портрет Женьки Барсукова.

В углу, рядом с портретом, стояло знамя дружины и здесь же, на тумбочке, лежал большой альбом. На нём слова: «Пионерская дружина имени Евгения Барсукова». В палисаднике, под окнами школы, белел обелиск с красной звездочкой. Здесь похоронен Женька, маленький сельский романтик, который так нигде и не успел побывать и навечно остался в родной Фошне.

Публикуется по: Шкроб А. Тополиные листья. – Тула, 1979. – С. 85 – 86.